

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Движение декабристов как исследовательская проблема	12
Глава 2. Из истории несостоявшейся революции. Часть I	43
Глава 3. Из истории несостоявшейся революции. Часть II	141
Глава 4. Крестьянское движение на Украине и декабристы	205
Глава 5. Князь Н. Г. Репнин и общественное движение в Малороссии	251

ВВЕДЕНИЕ

I

Среди исследований, посвященных отечественной истории начала XIX в., особняком стоит книга А. Н. Пыпина «Общественное движение в России при Александре I». Впервые эта работа была напечатана в журнале «Вестник Европы» в 1870 г., вскоре вышла отдельной книгой и с тех пор неоднократно переиздавалась. Исследование Пыпина – одна из немногих работ, где общественное движение этой эпохи становится специальным объектом изучения и, пожалуй, единственная работа, оказавшая столь серьезное влияние на всю последующую историографию.

В основе книги лежит четкое видение Пыпиным развития общественного движения Александровской эпохи. Движение это, по его мнению, противоречиво. Оно складывается из борьбы двух направлений: либерализма, т. е. «критического отношения к существующему порядку»¹, и, следовательно, стремления к свободе, реформам и закону, и консерватизма, стремящегося не допустить реформ и свободы, призванного охранить абсолютную российскую монархию от посягательств. Эта двойственность происходила из самого характера императора Александра: воспитанный республиканцем, либералом Лагарпом, он, в то же время, был истинным сыном своего отца, императора Павла, царствование которого «наложило на его (Александра – О. К.) характер новый слой, еще больше стеснивший правильное развитие его лучших задатков»². Либерализм и консерватизм боролись в самом Александре I всю его жизнь.

Вступив в 1801 г. на престол, молодой император попытался реализовать либеральную составляющую своей личности и убеждений. «Принцип, в силу которого он хотел и старался действовать, был принцип законности, которому он хотел подчинить и неограниченность своей собственной самодержавной власти»³. Либеральным духом проникнуты первые манифесты императора, его работа в Негласном комитете, его попытки улучшить положение крестьян и первые подступы к отмене крепостного права. Однако вершина довоенного либерализма Александровской эпохи – это деятельность М. М. Сперанского, план разработанного им преобразования системы управления Россией. Консерватизм же того времени был идеологически обоснован «Запиской о древней и новой России»

противника Сперанского, Н. М. Карамзина. «Как план Сперанского представляет собой одну сторону тогдашних мнений, крайний вывод тогдашнего либерального движения, так “Записка” Карамзина представляет другой полюс этих мнений, оппозицию мнимо-исторического консерватизма, высказанную заметнейшим представителем старшего поколения»⁴.

После войны, отвлекшей внимание императора от внутри-российских проблем, наступает переходная эпоха, брожение умов. Наиболее ярким выражением этой эпохи становится масонство, которое, в свою очередь, явилось колыбелью нового явления – «политического либерализма» декабристов⁵. Посвящая две последние главы своего исследования декабризму как историческому явлению, Пыпин усматривает генетическую связь их теорий с либеральными начинаниями Александра, называет участников декабристских организаций «русскими либералами»⁶. Правительство же, начиная с 1820-х гг., отрывается от общественных настроений, становится все более и более консервативным и реакционным⁷.

Заканчивая книгу, Пыпин связывает историю общественно-го движения Александровской эпохи с последующими событиями: «Люди, представлявшие либеральное движение, испытали трагическую судьбу в катастрофе 1825 года: против либерализма было направлено суровое преследование; целая группа исчезла из общества, но идеалы остались достоянием мыслящих людей и продолжали развиваться в их среде»⁸.

Многие историки, особенно в советское время, с Пыпиным спорили. Споры вызывали и вызывают термины, которые автор использует в своей книге: можно ли взгляды Сперанского считать в полном смысле либеральными, а Карамзина – консервативными? Споры вызывает и оценка Пыпиным либерализма и консерватизма: историк был убежден, что либерализм – это хорошо, а консерватизм – плохо. Спорна и оценка, которую Пыпин дает движению декабристов.

Однако в целом предложенную Пыпиным концепцию еще никто не опроверг. Даже те, кто не признают его правоту в частных вопросах, кто вовсе не ссылается на него, все равно в той или иной мере воспроизводят эту концепцию в своих работах. Живучесть концепции Пыпина объясняется, по-видимому, тем, что ее автору действительно удалось нащупать основное идейное противоречие

Александровской эпохи – противоречие между либерализмом и консерватизмом, какие бы названия им не присваивать.

Однако концепция Пыпина явно неполна. В обществе того времени циркулировали и революционные идеи, и идеи религиозные, и националистические, и образовательные, и государственнические, и многие другие. Полное описание этих идей в рамках одной книги в принципе невозможно. Однако даже если представить себе, что когда-нибудь подобная книга будет написана, она не сможет адекватно ответить на вопрос, что же такое общественное движение Александровской, да и любой эпохи. Ибо никакое общественное движение не может существовать само по себе, в виде чистых идей. Носителями идей являются люди, а людям свойственно менять свои убеждения, объединять в себе совершенно разные, порою прямо противоположные взгляды; взгляды эти могут меняться от времени, от конкретных задач, которые этот человек ставит перед собой, от ситуаций, в которые человек попадает, от образа жизни, который он ведет.

Исторические деятели, как правило, не мыслили себя представителями того или иного четко выраженного идеологического течения. В их биографиях причудливо сплетались самые разные общественные настроения. И даже декабристам, в либерализме которых Пыпин не сомневался, было свойственно увлечение произведениями консервативных европейских публицистов, тяготение к государственническому мышлению, многие из них были согласны с идеей удержания нового строя с помощью штыков, а вовсе не на основе закона.

Это разнообразие идей, характерное для каждого человека в любую эпоху, толкает участника общественного движения на определенные поступки. И поступки эти невозможно классифицировать. Их невозможно свести к традиционным для историографии моделям «прогрессивные – реакционные», «проправительственные – антиправительственные», «либеральные – консервативные»; тем более они несводимы к противопоставлению «плохие – хорошие». В каждой конкретной ситуации человек ведет себя по-разному, и поведение его несводимо к какой бы то ни было четкой идеологии.

Это многообразие, применительно к началу XIX в., свойственно не только императору Александру I, соединявшему в своей деятельности явно выраженное стремление к ограничению

собственной самодержавной власти с попытками задушить всякое свободомыслие. Это многообразие свойственно и, например, антиподу Александра, революционеру Павлу Пестелю: готовя военный переворот, он в повседневной жизни вел себя как верный сторонник государственной власти, ревностный службист, точно и в срок исполняющий приказания начальства.

А исключительный либерал Сперанский, которого декабристы – в случае своей победы – прочили в состав Временного верховного правления, был главным организатором работы Верховного уголовного суда над членами тайных обществ. Суд же этот вынес декабристам тяжелые, в том числе и смертные, приговоры – под ними стоит и подпись Сперанского. Потом Сперанский будет долго и верно служить императору Николаю I, которого либералом назвать достаточно сложно. Зато ничего не выиграл от смены власти ставший в конце Александровского царствования символом консерватизма граф А. А. Аракчеев.

Примеры можно множить.

Таким образом, *общественное движение любой, в том числе и Александровской, эпохи есть совокупность циркулирующих в обществе идей и совершенных на основании этих идей поступков исторических лиц*. Исчерпывающее исследование общественного движения любой эпохи не может быть написано в принципе. Мы можем лишь расширять наши знания о том или ином периоде этого движения.

Данная книга тоже, конечно, не претендует на то, чтобы представить всеохватывающую картину общественного движения начала XIX в. Она представляет собой попытку по-другому подойти к описанию этого движения, предложить, если можно так выразиться, другую методологию исследования. В основу работы будет положен биографический подход, позволяющий выявить и взгляды, и образ действия многих исторических персонажей изучаемой эпохи. При этом акцент будет сделан не столько на убеждениях того или иного исторического персонажа, сколько на обусловленных этими убеждениями его поступках. Такой подход, в свою очередь, невозможен без изучения не только общественной, но и служебной деятельности исторического персонажа, его частной жизни, его психологии, его окружения и т. п.

II

Отдельный вопрос для историка общественного движения – вопрос об общественных объединениях той или иной эпохи, о причинах их возникновения, взглядах, составе участников и т. п.

Рассуждая о причинах возникновения тайных обществ в Александровскую эпоху, Пыпин писал: «Это была особая культурная форма, в которую, между прочим, складывались прогрессивные стремления общества, не имевшего других средств для выражения своих мнений и потребностей, – ни парламентской жизни, ни свободы собраний, ни свободы печатного слова. Это был общественный союз, соединение единомыслящих людей с общественными целями – в такое время, когда государство еще сохраняло средневековую суровость и нетерпимость и не давало исхода начинающемуся политическому и социальному сознанию»⁹.

Эту идею – о том, что тайные общества есть продукт абсолютизма и сословности – следует распространить и на всё общественное движение рассматриваемого периода. В сословном обществе человек четко понимает предел собственных возможностей: если его отец всю жизнь «землю пахал», то и его удел быть крестьянином, если отец – мещанин или торговец, то и судьба сына, скорее всего, будет такой же. А если отец – дворянин, генерал или вельможа, то эти ступени вполне достижимы и для его детей. И при этом никто из подданных сословного государства: ни крестьянин, ни мещанин, ни дворянин никогда не будут принимать реального участия в управлении государством, не станут политиками. Политику в сословном обществе определяет один человек – монарх. Остальные, коль скоро они стоят близко к престолу, могут заниматься политическими интригами.

В сословном обществе мыслящему человеку тесно. Тесно, вне зависимости от того, из какого он рода, богат он или беден. Более того, чем человек образованнее, тем острее он эти рамки ощущает. Так, еще А. Н. Радищев писал о «позлащенных оковах», сковавших русское дворянство. А образованным людям начала XIX века, бывшим свидетелями и участниками великих исторических катаклизмов, смириться с таким положением вещей было никак невозможно.

Пыпин не смог до конца объяснить феномен русского масонства: «Для многих действительно ложа не имела другого смысла, кроме того, что в ней можно было попить, поесть и поболтать...

Но многие, вероятно, серьезно верили масонской легенде, хотя мало применяли ее на деле... Соединение в ложах людей разных общественных положений, возрастов, мнений, соединение во имя какой-то идеи, должно было производить впечатление; мысль, что они исполняют какую-то программу, служат нравственным и общественным целям, способна была действовать возбуждающим образом, особенно в тогдашнее время»¹⁰. Однако сложно поверить, что люди, по большей части прошедшие войну или поднаторевшие в государственной службе, действительно верили в возможность нравственного усовершенствования общества – путем обсуждения этого усовершенствования на заседаниях масонских лож.

Вернее другое: популярность масонских лож в начале XIX в. сродни популярности тайных обществ. Собственно, практически все общественные организации, будь то масонство, литературные, научные, декабристские и недекабристские объединения, произрастают из одного и того же корня. Если в государстве роль каждого человека была predetermined, то в организациях общественных можно было выдвинуться, рассчитывая только на свои собственные таланты, можно было стать лидером, не будучи по рождению выходцем из высшей аристократии. Все подобные организации Александровской эпохи – независимо от их идеологии, форм существования, состава участников – представляли собою попытку создать структуру, которая дала бы ее участникам возможность почувствовать себя не винтиком государственной машины, а свободной личностью.

В этом смысле любые общественные организации были оппозиционны власти. «В отношении дворянства вопрос о реформе ставится так: что лучше – быть свободным вместе со всеми или быть привилегированным рабом при неограниченной и бесконтрольной власти?.. Истинное благородство – это свобода; его получают только вместе с равенством – равенством благородства, а не низости, равенством, облагораживающим всех», – утверждал декабрист Н. И. Тургенев¹¹. Естественно, что тайные организации были опаснее явных, ибо власть не знала, чем конкретно занимаются их участники. Очевидно, эту простую мысль хорошо понимал император Александр I, запретивший в 1822 г. все тайные организации.

Однако простым запретом изменить положение вещей было невозможно: тайные общества продолжали существовать и вербовать сторонников. Запрет привел лишь к радикализации их идеологии.

К тому же, император не мог запретить своим подданным размышлять над происходящими на их глазах историческими событиями, соотносить с собственными взглядами циркулирующие в обществе идеи. Те же идеи, которые не поддерживались властью, тоже были оппозиционными, ибо приучали людей к свободомыслию. Особенность общественного движения Александровской эпохи состоит в том, что любой мыслящий человек поневоле становился оппозиционером, даже если и не считал себя таковым.

В основе данной книги лежит попытка выяснить, каким образом люди начала XIX в. пытались обрести для себя свободу. Естественно, что главным объектом исследования будут представители дворянства – как образованная и наиболее активная часть населения России. Однако речь пойдет не только о них. Речь пойдет, например, и о крестьянском движении в Александровскую эпоху – неотъемлемой части общественного движения.

III

Представленной на суд читателя книге присущ определенный, если можно так выразиться, «декабристоцентризм». И тому есть свои причины.

Во-первых, декабризм весьма удобен для изучения основных закономерностей общественного движения Александровской эпохи. Декабризму, наиболее организованной и осмысленной части общественного движения, присущи все те черты, которые порознь можно наблюдать и в других частях этого движения. Это и стремление к свободе и равенству, и попытки обеспечить это стремление соответствующей идеологией, и достаточно четкое организационное оформление этой идеологии.

Во-вторых, движение декабристов изучено явно недостаточно. И историки прошлых лет, и современные исследователи очень много сделали для выяснения особенностей идеологии декабристов. При этом открытым остался вопрос об их образе действий, о том, в какой мере идеология тайных обществ обуславливала поступки участников этих организаций. Ни из «Конституции» Н. М. Муравьева, ни из «Русской Правды» Пестеля 14 декабря напрямую не вытекало. И в этом смысле вполне справедливой кажется фраза В. О. Ключевского о том, что 14 декабря – «историческая случайность, обросшая литературой»¹². Сам историк относился к декабристам более чем прохладно: «Нет надобности приписывать

этому движению особенно важные последствия», «как заговор 14 декабря было задумано неосторожно до легкомыслия, подготовлено гимназически оплошно и исполнено совсем неумело»¹³.

К подобным выводам сегодня тяготеют многие изучающие идеологию тайных обществ историки.

Между тем, и авторы планов государственного переворота, и организаторы военных выступлений конца 1825 г. – те же самые люди, кто писал и обсуждал главные идеологические документы движения. Не понимая мотивы их поступков, мы никогда не поймем декабризм, а значит, заведомо не сможем приблизиться к пониманию общественного движения начала XIX в. в целом.

Примечания

¹ *Пытин А. Н.* Общественное движение в России при Александре I. СПб., 2001. С. 198.

² Там же. С. 47.

³ Там же. С. 70.

⁴ Там же. С. 267.

⁵ Там же. С. 341.

⁶ Там же. С. 371.

⁷ Там же. С. 452–453.

⁸ Там же. С. 496.

⁹ Там же. С. 380.

¹⁰ Там же. С. 338, 341.

¹¹ *Тургенев Н. И.* Россия и русские. М., 2001. С. 385.

¹² *Нечкина М. В.* Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974. С. 218.

¹³ *Ключевский В. О.* Курс русской истории // *Ключевский В. О.* Сочинения. М., 1989. Т. 5. С. 220, 235, 428.

ГЛАВА 1

Движение декабристов как исследовательская проблема

I

Движение декабристов – особая тема в истории общественного движения в России начала XIX века. Оценки этого явления исторической наукой – прямо противоположные. Так, А. Н. Пыпин отмечал, что в их деятельности «заговора никакого не было, потому что вся деятельность общества состояла в... беседах, которые сами по себе были новы и на первое время поглощали собой это возбуждение умов. Притом, общество, размножась, вовсе не представляло какого-либо тесно связанного целого, и прежние кружки более близких друг другу людей сохранялись и теперь»¹.

Восстание 14 декабря 1825 г. весьма мало, по мнению Пыпина, было связано с историей тайных обществ: «Относительно самих событий декабря 1825 года ограничимся замечанием, что было бы ошибочно выводить из них заключение о всем характере тайного общества. Прежде всего, эти события не были планом, издавна решенным и обдуманым. Напротив, в них было чрезвычайно много случайного и минутного»².

Отношение Пыпина к декабристам М. В. Нечкина называла «либеральной фальсификацией»³. Она, как и другие советские историки, видела в декабристах не либералов александровского толка, а революционеров. В современной же науке продолжают существовать обе точки зрения: условно говоря, пыпинская⁴ и нечкинская⁵. Ведутся споры и о том, были ли декабристы движением для России чуждым и случайным, или это – закономерное явление отечественной истории.

Но все исследователи, занимающиеся изучением движения декабристов, неоднократно обращали внимание на сложность работы с самым важным источником по истории тайных обществ – со следственными показаниями участников этих обществ. Источник этот огромен: следственные показания декабристов в 1925 году начал публиковать М. Н. Покровский, затем продолжила М. В. Нечкина, ее ученики и историки последующих поколений⁶. Многие документы следствия до сих пор не опубликованы. Они хранятся в 48-м, «декабристском», фонде Государственного архива Российской Федерации.

Материалы следствия стали доступны ученым в 1905 году, когда открылись засекреченные прежде архивы. 1905 год ознаменовал рубеж в истории декабристведения: оно вышло на профессиональный уровень, перестало довольствоваться лишь мемуарами и устными преданиями участников тайных обществ и антиправительственных выступлений 1820-х годов. Но с тех пор прошло более столетия, а исследований, анализирующих логику следствия над декабристами в целом, крайне мало. Среди работ, написанных в годы советской власти и специально посвященных этой теме, следует назвать, прежде всего, большую статью М. Н. Гернета «Процесс декабристов и уголовная практика Николая I»⁷, монографии М. В. Нечкиной⁸ и В. А. Федорова⁹.

Советские историки, изучая материалы следствия, сделали очень много. Они, например, опровергли кочевавшие в декабристских мемуарах свидетельства о повальном «героизме» подследственных на допросах, осветили организацию следственного процесса, дали характеристики отдельным следователям, подробно описали деятельность Верховного уголовного суда, вынесшего декабристам приговоры. И доказали, что ответ на поставленный следствием вопрос напрямую зависел от тактики, которую избирал для себя тот или иной арестованный заговорщик, от его душевного состояния в момент ответа на вопрос, от условий его содержания, от методов, применявшихся на допросах и т. п. И иногда тактика подследственных оказывалась весьма эффективной, как это было, например, в случае с Александром Грибоедовым. Грибоедову, бывшему вполне в курсе дел тайного общества, удалось не только избежать наказания, но и получить «оправдательный аттестат» и сделать незаурядную дипломатическую карьеру.

Исследования, проведенные Гернетом, Нечкиной и Федоровым, убедительно показали: изучая феномен декабризма, пользоваться только следственными делами арестованных заговорщиков вряд ли возможно, поскольку подследственные пытались всеми возможными способами скрыть или преуменьшить значение компрометирующих их фактов. К исследованию необходимо привлекать другие группы источников, в частности, служебные документы заговорщиков. И только этот путь сможет пролить свет на истинные планы «деятелей 14 декабря», на то, каким образом они пытались претворить свои идеи в жизнь.

Однако историки, работавшие в советской парадигме, не могли противоречить насаждавшейся в историографии концепции «трех этапов освободительного движения», согласно которой декабристы были первыми русскими революционерами, предтечами большевиков. Следствие рассматривалось советскими историками как борьба «хороших», «передовых» декабристов и «плохих», «консервативных» их противников: «Запертые в казематах Петропавловской крепости, находясь в тяжелейших условиях физического и морального воздействия со стороны мощной репрессивной машины самодержавия с ее вековым опытом сыска и дознания, декабристы продолжали единоборство против царских следователей и судей, защищая в показаниях и письмах на имя царя благородство своих идеалов и поступков»¹⁰.

Соответственно, и Гернет, и Нечкина, и Федоров пишут о том, что следствие по делу о «тайных злоумышленных обществах» было предвзятым, а приговор участникам этих обществ – заранее предрешенным. За спиной следователей стоял император Николай I, лично определявший ход дознания и заставлявший добиваться от подследственных нужных показаний.

Такой подход не дает ответы на важнейшие вопросы, неизбежно возникающие при анализе следственных дел: если концепцию следствия разрабатывал сам император, то откуда он вдруг мог априорно оказаться в курсе большинства фактов из истории тайных обществ? Почему следствие задавало декабристам те или иные вопросы? Почему многое из того, чем реально занимались участники антиправительственного заговора, осталось за рамками следственного процесса? Почему к следственным действиям не привлекались свидетели: друзья и сослуживцы арестованных, а всё в итоге свелось лишь к допросам обвиняемых?

Можно предположить, что Нечкина понимала недостатки подобной концепции, и именно поэтому в ее обобщающем двухтомном труде следствию над участниками тайных обществ посвящено всего несколько страниц¹¹.

В постсоветскую эпоху была написана только одна работа, в которой осмысляется логика следствия в целом; статья эта принадлежит перу Н. Д. Потаповой. Пытаясь выявить эту логику, Потапова обоснованно утверждает: «полученные в ходе этого дела показания» нельзя рассматривать как «независимые свидетельства,

совпадение которых якобы указывает на их объективность, а несоответствие – на субъективные попытки обмануть следствие».

Однако в статье Потаповой, на первый взгляд, совершенно свободной от всякого идеологического диктата, много общего с советскими работами. Подобно Гернету, Нечкиной и Федорову, исследовательница считает, что «дело» декабристов было – по заданию императора Николая I – полностью сфабриковано следствием. Правда, в выводах она идет гораздо дальше своих предшественников: по ее мнению, тайных декабристских организаций вовсе не существовало, тайные общества – выдумка следствия¹².

Такой вывод, конечно же, противоречит другим источникам: мемуарам декабристов и их современников, эпистолярному наследию, целому комплексу служебных документов арестованных заговорщиков. Поэтому и согласиться с концепцией, предложенной Потаповой, весьма сложно.

Совсем недавно, в начале 2006 года, была опубликована небольшая, но интересная работа А. Г. Готовцевой¹³. В этой статье впервые предпринимается попытка проследить этапы формирования правительственной концепции движения декабристов, выявить эволюцию воззрений правительственных пропагандистов (и прежде всего Д. Н. Блудова) на причины того, что произошло в Петербурге 14 декабря 1825 года. Если в первых правительственных сообщениях гвардейский мятеж в столицах изображался делом рук людей «гнусного вида во фраках», то несколько недель спустя он уже стал осмысляться как результат деятельности неких тайных обществ. Сведения об этих обществах накапливались и в итоге были сведены в главный итоговый документ следствия – «Донесение следственной комиссии».

Недостаток работы Готовцевой в том, что, ведя разговор о правительственной концепции развития заговора декабристов, автор анализирует, прежде всего, газетные материалы. При этом следственные показания декабристов должным образом не изучаются, хотя и в отношении этих показаний исследовательнице удалось сделать ряд ценных замечаний.

В данной работе на основе анализа следственных показаний делается попытка ответить на неизбежно возникающие в работе над этими показаниями непростые вопросы, понять, как на самом деле складывалась правительственная концепция развития тайных обществ, кто и когда сформулировал ее впервые.

II

К 14 декабря 1825 года вступавший на престол великий князь Николай Павлович уже знал, что гвардейский мятеж в столице вспыхнул не случайно; он был связан с деятельностью неких загадочных тайных обществ. Достаточно подробные сведения об этой подготовке он получил 12 декабря от начальника Главного штаба Ивана Дибича. В донесении Дибич обобщал все известные ему доносы на тайные общества и результаты агентурных разысканий, предпринятых в связи с этими доносами.

Тогда же, 12 декабря, к Николаю явился гвардейский поручик Яков Ростовцев с собственноручным письмом, в котором, в частности, содержались следующие слова: «Противу Вас должно таиться возмущение, которое вспыхнет при новой присяге, и, может быть, это зарево осветит конечную гибель России! Государственный Совет, Сенат и, может быть, гвардия будут за Вас; военные поселения и отдельный Кавказский корпус решительно будут против. Об двух армиях ничего не умею сказать. Пользуясь междуусобиями, Финляндия, Грузия, Польша, а может быть и Литва от нас отделятся. Европа вычеркнет раздираемую Россию из списка держав своих и соделает ее державою азиатскою, и незаслуженные проклятия, вместо должных благословений, будут Вашим уделом»¹⁴. Не ставя перед собою задачу выяснять здесь степень правдивости этого письма и цель его написания, отметим, что оно было способно сильно напугать претендента на престол.

Мятеж был подавлен, но атмосферу тревоги и страха это не разрядило. Согласно полученным императором сведениям, заговорщики были везде: в гвардии, в 1-й и 2-й армиях, дислоцированных на юге и западе России, в Грузии, на Кавказе, в военных поселениях. Не было никаких гарантий, что примеру трех гвардейских полков не последуют другие войска. В письме к брату, цесаревичу Константину, составленном 14 декабря, по горячим следам событий, Николай заметит: «Я надеюсь, что этот ужасный пример послужит к обнаружению страшнейшего из заговоров, о котором я только третьего дня был извещен Дибичем»¹⁵.

Спустя несколько дней после восстания император заявил французскому посланнику П.-Л. Лаферронэ: «Я начинаю царствовать под грустным предзнаменованием и со страшными обязанностями. Я сумею их исполнить. Проявлю милосердие, много милосердия, некоторые даже скажут – слишком много; но с жокаками и

зачинщиками заговора будет поступлено без жалости, без пощады. Закон изречет кару, и не для них воспользуюсь я принадлежащим мне правом помилования...»¹⁶. Однако Николаю I предстоял долгий путь по выявлению «вожаков» и «зачинщиков», по выяснению того, чем же на самом деле был внезапно открывшийся «страшнейший из заговоров».

Раскрыть этот заговор молодому императору было жизненно необходимо: объяснений произошедшего от него ждали собственные подданные и, что самое важное, ждала Европа. В глазах Европы, да и России, права Николая на престол были весьма сомнительными: законный наследник престола, цесаревич Константин Павлович, так и не прислал официального отречения, 14 декабря 1825 года заговорщики выступили под лозунгом защиты интересов Константина. Предстояло переубедить общественное мнение, доказать, что имя Константина для заговорщиков было лишь ширмой, за которой скрывались совсем другие идеи и планы. От того, насколько продуктивен будет разговор с обществом, напрямую зависела судьба самого Николая.

Формирование правительственной концепции произошедшего на Сенатской площади началось сразу же после восстания. В ночь с 14 на 15 декабря император (по рекомендации Н. М. Карамзина) призвал к себе литератора и чиновника Министерства иностранных дел Д. Н. Блудова. Именно ему была поручена роль главного пропагандиста правительственной концепции следствия. На следующий день в официальной газете «Санкт-Петербургские ведомости» появилось написанное Блудовым первое сообщение о произошедших событиях.

Изучая это сообщение, А. Г. Готовцева пришла к выводу: уже в нем интуитивно нащупана некая пропагандистская схема, которая потом станет краеугольным камнем официальной концепции развития тайных обществ. Схема эта, названная исследовательницей «схемой Блудова», состояла в следующем: «...откровенно врать было невозможно, но и говорить всю правду тоже не следовало. Информацию нужно было давать, но преподносить ее следовало только в официальной трактовке, никаких иных толкований не допускающей. Истинные масштабы заговора, как и политические лозунги заговорщиков, следовало, по возможности, скрывать. Нужно было также проводить постоянную градацию участников, не забывая при этом выделять группу “заблудших”, которым обязательно

следовало декларировать “прощение”. И, конечно же, венцом этой схемы становился постулат о “преданности” русских людей “законной монархии”. При этом незыблемым было и право Николая I на занятие престола»¹⁷.

С этим мнением исследовательницы следует согласиться, добавив только, что в ночь после восстания ни Блудов, ни Николай I еще не обладали никакой положительной информацией о произошедшем, плохо представляли себе «политические лозунги» восставших – кроме, конечно, «константиновского» лозунга, звучавшего на Сенатской площади.

Тогда же, в ночь с 14 на 15 декабря 1825 года, в Зимнем дворце начались первые допросы арестованных заговорщиков. Вопросы, которые власть – в лице самого императора, генерала К. Ф. Толя, а затем генерала В. В. Левашова – задавала арестантам, касались, прежде всего, тайного общества. И связи этого общества с «печальным происшествием» 14 декабря.

Правда, в первые дни после восстания следователям многого достичь не удалось. Арестованный на Сенатской площади князь Дмитрий Щепин-Ростовский, штабс-капитан Московского полка, обошел молчанием прямой вопрос о собственной принадлежности к обществу. Он сообщил, что причина восстания – готовность офицеров-московцев «пролить последнюю каплю крови за императора Константина»¹⁸. Эта версия – о том, что 14 декабря заговорщики действовали во имя цесаревича – была на первых порах самым удобным способом скрыть правду о заговоре. И потому большинство арестованных участников мятежа поначалу излагали именно ее.

«Я принял намерение после кончины государя Александра Павловича... что я сам собою, присягнув раз, присягать более никому не хотел без личного повеления моего императора», – показывал князь Евгений Оболенский, руководивший на площади восставшими войсками. И добавлял, что эту мысль разделяли его «знакомые», вышедшие вместе с ним на Сенатскую площадь¹⁹. Штабс-капитан Московского полка Михаил Бестужев утверждал, что он действовал во имя «удержания на престоле великого князя Константина Павловича, которому он присягал», а о тайном обществе ничего не знает²⁰. Его брат Александр Бестужев, адъютант герцога Виртембергского, поведал, что 14 декабря собирался «испросить у его высочества личного и словесного отречения»²¹.

Первым, кто дал показания о тайном обществе, был известный петербургский литератор, отставной подпоручик и один из руководителей заговора Кондратий Рылеев. Арестованный в ночь с 14 на 15 декабря и сразу же допрошенный, он показал, что тайное общество в столице «точно существует». Тогда же следствие узнало и о существовании общества на юге: «Я долгом совести и честного гражданина почитаю объявить, что около Киева в полках существует общество. Надо взять меры, дабы там не вспыхнуло возмущения»²². Ничего более конкретного на эту тему следствие от Рылеева не добилось. В следующем, данном через несколько дней, показании он добавит: «На счет южного общества подробностей, более того, что показал, не знаю; но полагаю, что оно из сильнейших в России»²³ – и сообщит, что, по его сведениям, руководит обществом на юге полковник Пестель.

Это показание позволило следователям сформулировать названия тайных организаций: общество на юге, «около Киева», превратилось в Южное общество, петербургская, «северная» организация вскоре стала Северным обществом. Названия эти закрепились в вопросах следствия и ответах подследственных, потом перешли в историографическую традицию. Но сведения, полученные от Рылеева, никоим образом не устраивали власть, желавшую получить подробные показания о возникновении, развитии и целях этих обществ.

III

Первая концепция развития тайных обществ и первая внятная попытка объяснить связь между этими обществами и восстанием 14 декабря принадлежала перу знаменитого декабриста, несостоявшегося диктатора восстания князя Сергея Трубецкого. Концепция эта состояла в следующем: тайные общества изначально возникли для того, чтобы помочь правительству. «Цель была – подвизаться на пользу общую всеми силами, и для того принимаемая правительством меры или даже и частными людьми полезные предприятия поддерживать похвально», «способствование правительству к приведению в исполнение всех мер, принимаемых для блага государства», – писал он.²⁴ При этом князь сообщил и некоторые подробности деятельности тайных организаций. В частности, о том, как образовавшееся в 1816 году тайное общество спустя два года было реформировано и названо Союзом благоденствия.

Однако следователи не поняли: каким образом члены столь благонамеренной организации могли устроить военный мятеж в столице? Трубецкому пришлось дополнять и уточнять свои показания: «...во всяком подобном обществе, хотя бы оно первоначально было составлено из самых честнейших людей, непременно найдутся люди... порочные и худой нравственности», которые испортят прекрасные замыслы. И в данном случае такие люди нашлись, вернее, нашелся один человек – руководитель Южного общества Павел Пестель.

По словам Трубецкого, Пестелю было все равно, какой будет Россия в будущем – монархией или республикой. Пестель был злым и жестоким человеком, который стремился лишь к диктаторской власти и ради этой власти был готов на всё. В том числе и на царубийство: «Он обрекал смерти всю высочайшую фамилию... Он надеялся, что государь император не в продолжительном времени будет делать смотр армии, в то же время надеялся на поляков в Варшаве, и хотелось ему уговорить тож исполнить и здесь»²⁵.

Собственно, цель существования Северного общества, по словам Трубецкого, состояла в том, чтобы сорвать коварные замыслы Пестеля. Восстание на Сенатской площади было обусловлено теми же причинами: если бы его не было, то Пестель бы непременно привел в исполнение свое царубийственное намерение. Трубецкой резюмировал: «Я имел всё право ужаснуться сего человека, и если скажут, что я должен был тотчас о таком человеке дать знать правительству, то я отвечаю, что мог ли я вздумать, что кто б либо сему поверил; изобличить его я не мог, он говорил со мною глаз на глаз. Мне казалась достаточною та уверенность, что он без содействия здешняго общества ничего предпринять не может, а здесь я уверен был, что всегда могу всё остановить – уверенность, которая меня теперь погубила»²⁶.

Естественно, Трубецкой в своих показаниях был неискренен. Сваливая вину на Пестеля, делая его главным виновником произошедшего, диктатор пытался спасти себя, скрыть от следствия свои собственные революционные приготовления. Князь желал также отвести подозрения от своего близкого друга, помогавшего ему готовить военную революцию, – от Сергея Муравьёва-Апостола (см. об этом главу 3).

А. Г. Готовцева справедливо утверждает: именно вследствие «откровений» Трубецкого 5 января в «Санкт-Петербургских ве-

домостях» появилось новое сообщение о ходе следствия, по всей вероятности, опять-таки написанное Блудовым. «Схема Блудова, – утверждает Готовцева, – в полной мере отражается и в этой статье. Теперь, когда власти казалось, что в ее руках собраны все нити злодейского заговора, можно было прямо заявить о его существовании. Собственно, само слово заговор, как и словосочетание тайное общество, впервые возникают на газетных страницах именно 5 января. Читателю открывают существование разветвленной организации – тайного общества, давно готовившего заговор». По словам Готовцевой, эту статью характеризует «победная интонация» – уверенность в том, что все «злодейские ковы» разрушены²⁷.

Однако совсем скоро следователи получили возможность убедиться, что «откровениям» Трубецкого доверять нельзя не только в целом, но и в частности. 5 января 1826 года, одновременно с выходом «победной» статьи, в столицу пришло известие о восстании Черниговского полка, вызвавшее в правительственных кругах приступ панического ужаса. Узнав страшную новость, Николай I писал Константину Павловичу: «Не могу не опасаться, как бы Полтавский полк, командуемый Тизенгаузеном, который еще не арестован, а также Ахтырский гусарский и конная батарея, командиры которых тоже должны были быть арестованы, не присоединились к восставшим. Князь Волконский²⁸, который поблизости, если он еще не арестован, вероятно, присоединится к ним. Таким образом, наберется от 6 000 до 7 000 человек, если не окажется честных людей, которые сумеют удержать порядок»²⁹. Руководил восстанием Сергей Муравьев-Апостол.

Очевидно, именно поэтому версия Трубецкого не была принята в качестве правительственной концепции развития тайных обществ. Полную победу над «злодейскими ковами» торжествовать оказалось рано, тем более что 3 января 1826 года в столицу привезли главного «злодея», командира Вятского пехотного полка полковника Павла Пестеля.

IV

На всех этапах существования тайных декабристских организаций Павел Пестель был признанным их лидером. Он обладал выдающимися способностями политического мыслителя: его перу принадлежала знаменитая «Русская Правда» – проект послереволюционного устройства России. По роду своей служебной дея-

тельности Пестель был разведчиком и контрразведчиком: выполнял сложные задания в тылу противника, следил за «настроением умов» в полках, нейтрализовывал армейских вольнодумцев – тех, которые так или иначе оказывались на его пути. Иными словами, Пестель был настоящим политиком – волевым, жестоким и прагматичным³⁰.

Поэтому вполне естественно, что, будучи арестованным по доносу собственного подчиненного, капитана Вятского полка Аркадия Майбороды, сдаваться и рассказывать правду о заговоре он не собирался. На первом допросе в Тульчине полковник отговаривался полным незнанием о тайном обществе. И сообщал, что «никогда не был членом ни гласного, ни тайного ученого общества в России» и поэтому не знает «ни название, ни цель, ни занятия такового»³¹.

Пестеля, как особо опасного преступника, привезли в Петербург в цепях. В этот же день состоялась его беседа с Николаем I – один на один, без свидетелей. Император приказал расковать узника и запомнил эту встречу на всю жизнь. В позднейших мемуарах он напишет: «Пестель был злодей во всей силе слова, без малейшей тени раскаяния, с зверским выражением и самой дерзкой смелости в заpiresательстве; я полагаю, что редко найдется подобный изверг»³².

Вряд ли когда-нибудь найдутся документы, проливающие хотя бы некоторый свет на содержание этой беседы. Попытаюсь здесь реконструировать ее основные моменты, отдавая себе отчет в том, что это всего лишь реконструкция.

Прежде всего, обращает на себя внимание фраза императора о том, что в Пестеле он обнаружил «дерзкую смелость в заpiresательстве». Фраза эта написана монархом много лет спустя после восстания и казни главного «изверга». И она на первый взгляд противоречит фактам: известно, что следственное дело руководителя Южного общества самое большое по объему среди декабристских следственных дел.

На допросах Пестель не молчал, в Петербурге он отказался от тактики заpiresательства и дал подробные показания. Недаром сын декабриста И. Д. Якушкина Евгений, обобщая устные рассказы выживших заговорщиков, писал: «В следственной комиссии он (Пестель – О. К.) указал прямо на всех участвовавших в обществе, и ежели повесили только пять человек, а не 500, то в этом нисколько не виноват Пестель: со своей стороны он сделал всё, что мог»³³.

Вывод может быть только один: император знал, что показания Пестеля весьма далеки от истины. И что полковник сумел скрыть те факты из собственной конспиративной деятельности, которые – по тем или иным причинам – скрыть хотел.

Как и Трубецкому, Пестелю было что скрывать. Как показали недавние архивные разыскания, готовя государственный переворот, Пестель бестрепетно использовал безграничное доверие к себе главнокомандующего 2-й армией, пожилого генерала Петра Витгенштейна, не гнушался шантажом и подкупом непосредственных начальников, пытался воспользоваться не только полковыми средствами Вятского полка, но и бюджетом 2-й армии. При этом основную ставку Пестель делал отнюдь не на тайное общество: реальная подготовка к реальному восстанию шла в недрах 2-й армии, в сфере собственных интересов Пестель включил немало влиятельных в армии офицеров и генералов.

Очевидно, что император, в отличие от позднейших исследователей, понимал, что военный заговор должен быть подготовлен соответствующими средствами. И поскольку Пестель был во 2-й армии одним из самых влиятельных офицеров, пользовался поддержкой главнокомандующего и начальника армейского штаба генерала Павла Киселёва, состоял в одном заговоре с армейским генерал-интендантом Алексеем Юшневским, то, скорее всего, монарху нетрудно было предположить, что ставку арестованный заговорщик делал именно на эту армию. Об осведомленности Николая I о роли 2-й армии в тактических разработках Пестеля может свидетельствовать и то, что в конце 1820-х годов, когда страсти, связанные с раскрытием заговора, улеглись, армия эта вообще была расформирована.

Очевидно, что, беседуя с императором 3 января, Пестель не раскрыл ему все карты – иначе бы монарх не усмотрел «запираательства» в его показаниях. Но Николай вряд ли в данном случае стремился любыми средствами добиться от Пестеля правды. Ему вовсе не нужно было показывать всему миру, что российская армия коррумпирована, плохо управляема, заражена революционным духом. Гораздо удобнее было представить декабристов как юнцов, начитавшихся западных либеральных книг и не имеющих поддержки в армии.

С другой стороны, Пестель, как и Трубецкой, хотел жить. И прекрасно понимал, что если следствие начнет распутывать ре-

альный военный заговор, опутавший всю 2-ю армию, выяснять, кто и как на самом деле готовил русскую революцию, то шансов остаться в живых у него практически не останется. Не останется шансов и у тех, кто помогал ему в реальной подготовке реальной революции: всё же, согласно его собственным замечаниям, «подлинно большая разница между понятием о необходимости поступка и решимостью оный совершить», «от намерения до исполнения весьма далеко», «слово и дело не одно и то же»³⁴.

Очевидно, император в ходе встречи пообещал сохранить полковнику жизнь – иначе Пестелю не было смысла идти на сотрудничество со следствием. Нетрудно предположить, что взамен император потребовал от руководителя южан формулировку концепции развития тайных обществ. Концепция, которая устраивала бы власть и давала возможность, отвлекаясь от подготовки реальной военной революции, всё же выявить и наказать «вожаков» и «зачинщиков» «страшнейшего из заговоров».

Своеобразным посредником между императором и узником стал, по всей видимости, член Следственной комиссии генерал А. И. Чернышёв, который, собственно, и арестовал Пестеля в Тульчине. Историкам известны несколько писем Пестеля к Чернышёву, написанных в ходе расследования. В одном из них Пестель просит следователя познакомить его с «ходом нашего дела»³⁵.

Забегая вперед, скажу, что в итоге царь переиграл заговорщика. Исполнив свою роль, Пестель был казнен. Судя по показаниям и письмам полковника, он понял, что проиграл, очень скоро – примерно в конце января 1826 года. «Если я умру, всё кончено, и один лишь Господь будет знать, что я не был таким, каким меня, быть может, представили», – эта фраза в одном из писем к Чернышёву потом будет дословно повторена в его показаниях³⁶. Однако Пестель был политиком и довел до конца начатую 3 января непростую игру.

В первых показаниях (от 4 января), записанных генералом-следователем Василием Левашовым, и в «прибавлениях», сделанных собственноручно несколько дней спустя, Пестель строит четкую схему ответов. Во-первых, он недвусмысленно сообщает о собственном членстве в тайном обществе: «В конце 1816 года или в начале 1817-го я узнал о *тайном обществе* от г-на Новикова, правителя канцелярии к[нязя] Репнина, и им был в оное общество принят» (здесь и далее курсив мой – О. К.).

Во-вторых, он предлагает хронологию событий: тайное общество возникло в 1816 г.; потом, «в 1817 и 1818 году, во время пребывания двора в Москве, общество сие приняло новое устройство», а «в 1820 или 21 году оное общество по несогласию членов разошлось». Однако сам Пестель и его сторонники с роспуском не согласились: «Я был тогда в Тульчине, и, получа сие известие со многими членами, положили, что московское общество имело, конечно, право переобразования, но не уничтожения общества, и потому решились оное продолжать в том же значении. Тогда же общество Южное взяло свое начало и сошлось сей час с петербургским»³⁷.

В-третьих, его показания содержат сведения о внутреннем устройстве Южного общества, о его руководящих структурах: «Южная управа была предводима г. Юшневским и мною, а третьего избрали мы Никиту Муравьёва, члена общества Северного, дабы с оным быть в прямом сообщении. Северной же думы члены были Никита Муравьёв, Лунин, Н. Тургенев, а вскоре вместо оного к[нязь] Оболенский, а вместо Лунина к[нязь] Трубецкой... Мой округ был в Тульчине, коему принадлежали... чиновники главного штаба. Другой же округ в сообщении с оным был в Василькове, под распоряжением Сергея Муравьёва и Бестужева-Рюмина»³⁸.

Кроме того, Пестель рассказывает о других тайных обществах, существовавших в России, в частности, о Польском патриотическом обществе³⁹ и Обществе соединенных славян⁴⁰. Он заявил и о том, что, возможно, тайное общество существует и на Кавказе, в корпусе генерала Алексея Ермолова: «С корпусом генерала Ермолова не было у нас никакого сношения прямого; но слышал я, что у них есть общество... Все сии подробности извлек к[нязь] Волконский от Якубовича, который, несколько выпив, был с ним откровенен»⁴¹.

Южный лидер отвергает версию Трубецкого о том, что участниками заговора двигали личные мотивы, – и, прежде всего, мотив противостояния его собственным честолюбивым планам: «Первоначальное намерение общества было освобождение крестьян, способ достижения сего – убедить дворянство сему содействовать, и от всего сословия нижайше об оном просить императора». Поздние общества хотели «введения в государство конституции»⁴². Достичь же этого предполагалось с помощью военной силы.

Однако такая концепция не во всем устраивала власть: разговоры о формах правления не были запрещены законодательно, ими невозможно было оправдать будущие приговоры тем, кто непосред-

ственно в мятежах не участвовал. Очевидно, следуя договоренности с Николаем, уже в первом своем показании Пестель признает царевбийство как «способ действий» участников тайных обществ; подробно рассказывает о «московском заговоре» 1817 г. «В 1817 году, когда царствующая фамилия была в Москве, часть общества, находящаяся в сей столице под управлением Александра Муравьева, решилась покуиться на жизнь государя. Жребий должен был назначить убийцу из сочленов, и оный пал на Якушкина. В то время дали знать членам в Петербурге, дабы получить их согласие, главнейшее от меня и Трубецкого. Мы решительно намерение сие отвергли, и дабы исполнение удержать, то Трубецкой поехал в Москву, где нашел их уже отставшими от сего замысла»⁴³.

Согласно российским законам и, в частности, известному 19-му воинскому артикулу, умысел на царевбийство приравнивался к самому деянию.

V

Пестель давал показания, а в свете распространялись слухи об его «особых отношениях» со следствием. Такие сведения имел в своем распоряжении хорошо информированный Александр Тургенев. В письме к брату-декабристу, политическому эмигранту Николаю Тургеневу, он отмечал, что в период следствия «слышал» о том, как «Пестель, играя совестью своею и судьбою людей, предлагал составлять вопросы, на кои ему же отвечать надлежало»⁴⁴. Впоследствии эти слухи дошли и до самих декабристов. Андрей Розен напишет в мемуарах: «Пестеля до того замучили вопросными пунктами, различными обвинениями, частыми очными ставками, что он, страдая сверх того от болезни, сделал упрек комиссии, выпросил лист бумаги и в самой комиссии написал для себя вопросные пункты: “Вот, господа, каким образом логически следует вести и раскрыть дело, по таким вопросам получите удовлетворительный ответ”»⁴⁵.

Трудно сказать, насколько подобные слухи были верны в деталях, писал или не писал Пестель на самом деле для себя вопросы. Но можно утверждать, что сотрудничество руководителя Южного общества со следствием зашло весьма далеко. Не берясь анализировать весь огромный комплекс его показаний на следствии, замечу лишь одно: большинству тех, кого приводили на первый допрос после 4 января, предстояло отвечать именно по той схеме, которую Пестель сформулировал в своем первом показании.

Более того, с первых показаний Пестеля была сделана копия, которую привез на юг из столицы генерал-лейтенант Николай Демидов, отправленный императором искать крамолу в Киеве и окрестных местностях. Копию же эту Демидов отдал начальнику главного штаба 1-й армии генерал-лейтенанту Карлу Толлю, допрашивавшему участников восстания Черниговского полка. Впрочем, Толь не решился предъявлять арестованным мятежникам показания Пестеля – поскольку, как рапортовал он в Петербург, «опасался, допросив их по сему предмету здесь, приготовить их тем преждевременно к вопросам, которые подлежат разбирательству комитета, над злоумышленниками установленному; и дабы на месте, в случае заперательства, можно было, против всякаго их ожидания, сделать немедленно очную ставку Муравьёву и Бестужеву с Пестелем»⁴⁶.

Однако несмотря на «нерешительность» генерала Толя, первые петербургские показания Сергея Муравьёва-Апостола, руководителя восстания черниговцев, зачастую дословно совпадают с показаниями Пестеля. Причем эта дословность иногда просто идет вразрез со здравым смыслом.

Черниговский мятежник утверждал, что «был принят в тайное общество Никитою Муравьёвым в Петербурге [в] 1817 году». Между тем формулировка «был принят», верная в отношении Пестеля, в данном случае не соответствовала действительности: Муравьёв-Апостол входил в число основателей Союза спасения. И если Пестель действительно стал членом общества в конце 1816 – начале 1817 года, то для Муравьёва-Апостола эта дата никак не могла быть верной: Союз спасения был образован в феврале 1816 года.

Сергей Муравьёв в общих чертах повторяет предложенную Пестелем хронологию событий: «во время пребывания двора в Москве общество в сей столице получило новое образование», затем «в 1821 году умножение членов в обществе произвело несогласие» – и «последствием было уничтожение общества». Но «Пестель, бывший тогда в Тульчине, предложил продолжение оно-го, тогда я пристал к Южному обществу». Стоит отметить, что в последнем утверждении Муравьёв просто допускает фактическую ошибку: в начале 1821 года, когда Пестель организовал общество в Тульчине, он не входил во вновь созданную организацию. Членство в обществе он возобновил только год спустя, в 1822 году.

Повествование об иных существовавших в России обществах Муравьев ведет тоже во многом «по Пестелю». «Общество южное было в сношении с польским, с коим свел нас первоначально Хоткевич. Сие состояло из главной директории в Дрездене под начальством Хлопицкого и Княжевича... Сношение общества нашего с польским было, во-первых, чрез меня и Бестужева и началось с Крижановским в Киеве... В начале 1825-го года Пестель как директор взял на себя сие сношение и имел оное чрез Яблоновского». Говоря о тайном обществе в корпусе Ермолова, Муравьев-Апостол отмечает, что знает о нем «только то, что мне говорил Волконский, и сие заключается в одном его знакомстве с Якубовичем».

Намерения тайного общества, по мнению Муравьева, заключались в том, чтобы «ввести в государстве конституционное правление». Правда, в отличие от Пестеля, он считает, что это намерение существовало в обществе с момента его образования. И подтверждает, что конституцию вводить нужно было с помощью армии.

Рассказывает Муравьев-Апостол и о московском заговоре 1817 года. «В то же время разнесся слух, что Польша российская присоединяется к королевству. По сему предмету общество соединилось у фон-Визена. Присутствовали Александр Муравьев, фон-Визен старший, Якушкин, Матвей Муравьев, Никита Мурав[ьев] и я. Решено было скорей всё предпринять, чем позволить сие отделение. Якушкин предложил истребить государя и получил согласие всех присутствующих. На другой день, обдумав неосновательное намерение наше и быв болен, я изложил на бумаге мое мнение, коим останавливал предпринятое действие, доказывая скудность средств к достижению цели. Мнение сие подействовало и намерение оставлено». В данном случае Сергей Муравьев не идет за показаниями Пестеля: он был непосредственным участником этого события, а Пестель только слышал о нем. Кроме того, Муравьев «припоминает» и еще несколько царубийственных проектов.

Впрочем, у Муравьева-Апостола есть и некоторые расхождения с показаниями Пестеля, и прежде всего расхождения эти касаются описания структуры и руководящих органов Южного общества: очевидно, то, что показывал на эту тему Пестель, в чем-то следователей не устроило. Муравьев утверждал: «Окончательной состав сего общества был следующий. Три управы под начальством трех главных членов, общество же управлялось тремя директорами: Юшневским, Пестелем и под конец мною. Управы правого

фланга под начальством В. Давыдова и Волконского, левого фланга под начальством моим и Бестужевым, центральное же под начальством Пестеля и Юшневского. Место пребывания управ Каменка, Тульчин и Васильков»⁴⁷. Следует отметить, что именно в таком виде, разделенном на три управы (Каменская, Тульчинская и Васильковская) и руководимом тремя директорами, Южное общество появится на страницах итогового «Донесения следственной комиссии».

Очень много дословных совпадений с Пестелем и в показаниях других заговорщиков, особенно тех из них, кто входил в Южное общество. «В 1820 году я взшел в тайное общество в Тульчине: был принят Фон Визеном», – сообщал Сергей Волконский⁴⁸. «В 1819 или 1820 году я был принят в тайное общество Охотниковым в Киеве», – сообщал Алексей Юшневский⁴⁹.

Отвечая на вопрос о намерениях тайного общества, его участники показывали: «Намерение общества было введение в государстве представительного правления. Средство достижения оного было распространение отраслей общества и склонение на сие вооруженной силы» (Бестужев-Рюмин)⁵⁰; «Намерение общества было ввести в государстве конституцию. Достигнуть оное полагали, уверившись в военной силе» (Юшневский)⁵¹. Кроме того, большинство из допрашиваемых после Пестеля сходным образом отвечало на вопрос о переговорах с Польским патриотическим обществом, о Кавказском обществе, о хронологии тайных обществ и о структуре общества Южного. Более того, именно эта схема, предложенная Пестелем на первом допросе, легла в основу больших вопросников, которые следствие предлагало каждому допрашиваемому.

Впрочем, нельзя сказать, чтобы арестанты не предпринимали попыток сказать что-то свое, что не ложилось в канву, предложенную Пестелем. Но следствие такие попытки решительно пресекало.

В этом смысле показательна история с подпоручиком Полтавского пехотного полка Михаилом Бестужевым-Рюминым, ближайшим другом Сергея Муравьева-Апостола и сопредседателем Васильковской управы. Бестужев-Рюмин участвовал в восстании Черниговского полка и, как и Муравьев, был арестован на поле боя с оружием в руках.

Еще на юге, на одном из первых допросов, он просил позволения «написать государю»⁵². Сразу же по приезде в Петербург, 24 января, он был допрошен императором.

Как следует из письма, которое Бестужев написал Николаю I через два дня после этого свидания, заговорщик хотел рассказать своему монарху «всё о положении вещей, об организации выступления, о разных мнениях общества, о средствах, которые оно имело в руках». «В мой план входило также говорить с Вами о Польше, Малороссии, Курляндии, Финляндии. Существенно, чтобы всё то, что я знаю об этом, знали бы и Вы», – объяснял Бестужев-Рюмин императору. Интересно, что никто из декабристоведов до сих пор не отмечал близость этого бестужевского пассажа к письму Якова Ростовцева, столь испугавшему императора 12 декабря: «Пользуясь междоусобиями, Финляндия, Грузия, Польша, а, может быть, и Литва от нас отделятся». При том, что никаких данных о знакомстве Бестужева-Рюмина с Ростовцевым нет.

Из того же письма явствует, что Николай I не оправдал надежд арестованного мятежника: его совершенно не интересовало мнение подпоручика «о положении вещей»; император кричал на него, был «строг». Разговор с царем привел Бестужева-Рюмина «в состояние упадка духа».

В письме Бестужев просил Николая «даровать» ему еще одну встречу, потому что «есть много вещей, которые никогда не смогут войти в допрос; чего я не могу открыть Вашим генералам, о том бы я сообщил очень подробно Вашему величеству»⁵³.

Однако второй аудиенции у царя Бестужев-Рюмин не получил и был вынужден договариваться с «генералами». И хотя в последующих показаниях он в целом придерживался нужной следствию версии, всё же, постоянно пытался дополнить ее чем-то своим, к этой версии не относящимся.

Так, в показании от 4 февраля он писал: «Можно подавить общее недовольство самыми простыми средствами.

Если строго потребовать от губернаторов, чтобы они следили за тем, чтобы помещичьи крестьяне не были так угнетаемы, как сейчас; если бы по судебной части приняли меры, подобно мерам великого князя Константина; если бы убавили несколько лет солдатской службы и потребовали бы от командиров, чтобы они более гуманно обращались с солдатами и были бы более вежливы по отношению к офицерам; если бы к этому император опубликовал манифест, в котором он обещал бы привлекать к ответственности за злоупотребления в управлении, я глубоко убежден, что народ оценил бы более эти благодеяния, чем политические преобразования.

Тогда тайные общества перестали бы существовать за отсутствием движущих рычагов, а император стал бы кумиром России»⁵⁴.

Несмотря на то, что показания Бестужева-Рюмина содержали не меньше имен и подробностей, чем, например, показания Пестеля или Сергея Муравьева-Апостола, с февраля 1826 г. заговорщик содержался в тюрьме в ручных цепях. Видимо, «многознание» Бестужева-Рюмина и желание поделиться этими знаниями с другими сыграло не последнюю роль и при вынесении ему смертного приговора.

VI

Другой пример того, как следствие отсекало ненужные ему «откровения» арестованных, – история с расследованием в отношении так называемых «петербургских совещаний» 1820 года, одного из самых опасных для подследственных эпизодов деятельности тайных обществ.

13 января 1826 года Пестелю был задан вопрос: «В чем именно заключались все различные и в разные времена предположенные цели, или намерения, и меры к исполнению их со стороны Северного и Южного обществ, и когда, в каких местах полагалось начать открытые действия?»⁵⁵.

Отвечая на этот вопрос, Пестель, в частности, утверждал: «В начале 1820 года было назначено здесь, в Петербурге, собрание Коренной думы Союза благоденствия... Князь Долгоруков, по открытии заседания, которое происходило на квартире у полковника Глинки, предложил Думе просить меня изложить все выгоды и все невыгоды как монархического, так и республиканского правлений, с тем чтобы потом каждой член объявлял свои суждения и свои мнения. Сие так и было сделано. Наконец, после долгих разговоров было прение заключено и объявлено, что голоса собираться будут таким образом, чтобы каждой член говорил, чего он желает: монарха или президента, а подробности будут со временем определены. Каждый при сем объявлял причины своего выбора, а когда дело дошло до Тургенева, тогда он сказал по-французски: *Le president – sans phrases*; то есть: президент без дальних толков. В заключение приняли все единогласно республиканское правление. Во время прений один Глинка говорил в пользу монархического правления, предлагая императрицу Елисавету Алексеевну.

Сие заключение Коренной думы было сообщено всем частным Думам, а в том числе и Тульчинской. С сего времени республиканския мысли начали брать верх над монархическими»⁵⁶.

В этом же показании Пестель назвал имена и других участников этого заседания: Михаила Лунина, Ивана Шипова, Сергея и Матвея Муравьевых-Апостолов, Никиту Муравьева и некоторых других членов Союза благоденствия.

Версию Пестеля полностью подтвердил Сергей Муравьев-Апостол. 1 февраля ему был задан вопрос, в котором дословно цитировалось показание руководителя Южного общества о совещаниях 1820 года. Комитет требовал от Муравьева «откровенного и положительного показания... кто именно находился в том совещании и кто как предлагал поступить с царствовавшим тогда государем и высочайшею фамилиею в случае несогласия на введение того или другого образа правления. Если же сверх сказанного в квартире Глинки совещания были оные о том же и в других местах, то равным образом объясните с возможною подробностию и сии последние».

Муравьев-Апостол в своем ответе, в свою очередь, цитирует предложенный ему вопрос и соглашается признать его содержание истинным: «На счет же совещания, бывшего на квартире у полковника Глинки, я помню, что действительно оно так происходило, что Долгорукий предложил Пестелю объяснить выгоды и невыгоды того и другого правления и что после сего изложения, когда стали собирать голоса, Н. Тургенев сказал (*le president sans phrases*), прочие же все, кроме Глинки, были того же мнения».

Кроме того, следствие просило подполковника рассказать о подобных совещаниях «в других местах», и Муравьев откликается на эту просьбу: «Помнится мне, что вслед за сим заседанием было другое и, если не ошибаюсь, на квартире у Шипова, в казармах Преображенского полка, где были все те же члены, кроме Глинки, гр[афа] Толстого и, кажется, Н. Тургенева, где в первой раз было говорено о цареубийстве и которое кончилось большим спором между Н. Муравьевым и Долгоруким, и где по сему случаю ничто не было решено», «Н. Муравьев, говоря о средствах ввести в Россию народное правление, коснулся до необходимости смерти тогда царствующего государя, против чего Долгорукий восстал, говоря, что он на сие никак не согласится, и вот от чего возник между ними спор»⁵⁷.

Эти показания Пестеля и Сергея Муравьева-Апостола были крайне опасными для всех поименованных в них участников тайных организаций: принятое формально, большинством голосов решение о введении республиканского правления означало явное стремление к уничтожению существовавшего в России строя. Участие же в разговорах о царевубийстве для любого из заговорщиков могло завершиться смертным приговором.

Никто из поименованных следствием участников этих совещаний, кроме Сергея Муравьева, не подтвердил в полной мере данную Пестелем информацию. Наиболее решительно ее опровергал Федор Глинка: «На вопрос же о каком-то как бы торжественном и важном заседании, где трактовали о правлении для России, я ничего другого сказать не могу, как только то, что такого заседания не было»⁵⁸.

10 апреля между Пестелем и Глинкой была устроена очная ставка, на которой Пестель продолжал настаивать на своей версии событий. Глинка же стоял на том, что «показанного Пестелем совещания вовсе не было, и что вообще, сколько он помнит, ни определенных собраний, ни правильных заседаний нигде не было, но что, когда он и некоторые из членов слушали курсы наук (означенных в ответах его) с намерением приуготовить себя к службе на пользу отечества, то, по удобности квартиры его, действительно заезжали к нему не более трех раз когда трое, когда четверо из членов так называемого отделения политических наук»⁵⁹. На очной ставке и Глинка, и Пестель остались при своих показаниях.

О том, что подобного собрания никогда не было, поведал в своих ответах и Илья Долгоруков⁶⁰. «Что же касается до решения Коренной думы ввести в России таковое правление, то мне показалось бы нелепым и здравому смыслу противным, если бы в присутствии моем сия дума, составленная из нескольких молодых людей, не имеющих ни значительной власти, ни влияния политического, приняла на себя делать определения или решения о введении в государстве обширном и сильном какого-либо нового образа правления», – показывал Иван Шипов⁶¹.

Осторожнее других высказался Никита Муравьев: «Совещание сие, не имевшее никакого влияния на последующие соображения членов, бывшее во время самого изнеможения Союза благоденствия и незадолго до его разрушения, по тому самому и изгладилось было из моей памяти». Предложение же о царевубийстве, сделанное Пестелем, «все присутствующие члены, кроме меня,

отвергли яко преступное, и, кроме того, все они доказывали, что злодейство сие неминуемым последствием иметь будет анархию и гибель России»⁶².

Если пытаться на основании всех этих показаний выяснить истину, представить, что же происходило в 1820 году на квартирах Глинки и Шипова, то, очевидно, следует признать: никаких формальных совещаний Коренной думы там не происходило. Скорее всего, беседы насчет «выгод» и «невыгод» монархического и республиканского правлений и о цареубийстве как возможном методе введения республики происходили в неформальном, дружеском ключе; никаких обязательных для всего Союза решений при этом не принималось. Пестель же, работая над концепцией истории тайных организаций, всячески стремился придать подобным разговорам форму правильно организованных заседаний, закончившихся голосованием.

Подводя итоги своей работы, следствие в вопросе о петербургских совещаниях примет именно точку зрения Пестеля. Для советских же историков показания руководителя Южного общества, подтвержденные к тому же руководителем одного из двух декабристских выступлений, окажутся вполне достаточными для того, чтобы никакие иные показания не брать в расчет. Нечкина в своем двухтомнике посвятила этим совещаниям особую главу под названием «Петербургское совещание 1820 г. и борьба за республиканскую программу», занявшую в книге более 30 страниц⁶³.

29 января 1826 года в печати появляется еще одно правительственное сообщение о ходе следствия, и автором его, по мнению А. Г. Готовцевой, снова был Дмитрий Блудов⁶⁴. Итогов расследования «петербургских совещаний» в нем пока нет. Однако в статье излагается история тайных обществ, даются их названия, говорится о цареубийственных планах мятежников (особенно подробно излагались детали «Московского заговора») и об их попытках сочинить для России конституцию – все эти сведения следствие впервые получило именно из показаний Пестеля. Версия Пестеля причудливо переплеталась в этой статье со «схемой Блудова».

Следствие и далее шло по пути, предложенному Пестелем. Выяснялись хронология событий, политические взгляды заговорщиков и истоки этих взглядов, особенности конституционных проектов, тщательно исследовались споры, которые заговорщики вели между собою. От подследственных требовали – и получали – подробный

рассказ обо всех царубийственных проектах, которые обсуждались в тайных обществах за почти 10-летнюю их историю. Движение декабристов постепенно превращалось в идеологическое движение, осложненное только лишь кровавыми, но бесплодными попытками убить императора Александра I. 14 декабря всё больше отрывалось от этого движения и всё больше превращалось в нечто отдельное, из истории тайных обществ никак не вытекающее.

VII

Среди множества документов, так или иначе связанных со следствием над декабристами, существует один самый важный. Это «Донесение следственной комиссии», составленное по итогам работы следствия всё тем же главным правительственным пропагандистом – Дмитрием Блудовым⁶⁵.

«Донесение» много раз подвергалось критике советскими историками. С. Гессен называл его «тенденциозным и лживым до последнего знака препинания» документом⁶⁶. В декабристоведении этот тезис активно поддерживался и развивался. Так, например, В. А. Федоров усматривал «лживость» «Донесения» в том, что его составитель «замолчал либо грубо извратил» «благородные цели декабристов»⁶⁷. Однако историки забывали о том, что Блудов исполнял прямой заказ императора Николая I. И этой своей установкой коренным образом отличался от них самих, живших в другое время и служивших иной власти. Трудно ждать от автора «Донесения» оценок сродни тем, которые давала декабристам, например, академик Нечкина. Там, где Блудов усматривал «злодеев», «людей незрелого ума» и сторонников «безначалия», Нечкина неминуемо должна была увидеть «первый этап освободительного движения».

Стоит учитывать также, что «Донесение» нельзя рассматривать как юридический документ. По меткому замечанию М. Н. Гернета, оно «ни в какой степени не отвечает требованиям следственного акта. В нем, как это ни удивительно, нет ни одной ссылки на какие-либо статьи закона»⁶⁸. Удивляться здесь не приходится: изначально предназначенное для открытой печати, «Донесение» было документом исключительно публицистическим.

Значение «Донесения следственной комиссии» – вовсе не в юридических или морально-нравственных оценках деятельности членов тайных обществ. Значение его в другом: на основании той самой схемы, которую Блудов разработал еще в своей первой ста-

ть, опубликованной на следующий день после восстания на Сенатской площади, а также версии, предложенной Пестелем, была сформулирована окончательная концепция событий, связанных с движением декабристов. И концепция эта закрепились как в общественном сознании, так и в последующей историографической традиции изучения деятельности тайных обществ.

Во-первых, «Донесение» утвердило хронологическую канву движения. Схема развития декабризма: Союз спасения – Союз благоденствия – Северное и Южное общества – восстания в Петербурге и на юге была полностью принята исторической наукой. Во-вторых, вслед за Пестелем и Блудовым, и современники, и историки повторяли и повторяют тезис о том, что движение декабристов было практически полностью идеологическим. О конституционных проектах в основном тексте не говорится, но в примечаниях утверждается: «Один проект Конституции написан Никитой Муравьевым. Он предполагал монархию, но оставляя императорскую власть весьма ограниченную... Другая конституция, с именем «Русской Правды» и совершенно в духе республиканском, есть сочинение Пестеля»⁶⁹.

В данном случае одним из главных фактов, подтверждающих преступность намерений заговорщиков, становятся петербургские совещания 1820 года. Обобщая показания заговорщиков насчет этих совещаний, Блудов признает, что не все они согласны с версией, предложенной Пестелем. Однако ход этих совещаний излагается «по Пестелю». «В начале 1820 года, как показывает полковник Пестель, было в Санкт-Петербурге собрание Коренной думы... В сем собрании Пестель по вызову члена, исправлявшего должность блюстителя, исчислял выгоды и невыгоды правлений монархического и республиканского, и после многих рассуждений собирали голоса; все, утверждает Пестель, объявили, что предпочитают республиканское правление (между прочими Николай Тургенев следующими словами: «un President sans phrases»), кроме одного полковника Глинки, который говорил в пользу монархического и предлагал вручить скипетр императрице Елизавете Алексеевне. Сие заключение Коренной управы, по уверению Пестеля, определено было сообщить всем другим, и он сообщил его Тульчинской; с тех пор, прибавляет он, республиканские мысли стали брать верх над монархическими»⁷⁰.

Окончательно формируя концепцию возникновения и развития тайных обществ, «Донесение следственной комиссии», конечно, несколько лукавило: ни из республиканских убеждений Пестеля, ни из конституционно-монархических воззрений Никиты Муравьева, ни даже из петербургских совещаний 1820 года восстание на Сенатской площади напрямую не вытекало. И тот же Лунин иронически писал: «Достаточно, кажется, заметить, что заговор не длится десять лет сряду; что заговорщики не занимаются сочинением книг, дабы действовать словом и торжествовать убеждением... История народов всех времен не представляет сему примера»⁷¹. Но этого лукавства советские историки не поняли: большинство из них сводило «революционную тактику» декабристов именно к идеологии.

Еще один, третий тезис «Донесения», практически без изменений воспринятый советской исторической наукой, – тезис о цареубийстве как составной части этой самой декабристской «тактики». Описывая в подробностях все, даже случайные разговоры на эту тему, большинство из которых были почерпнуты именно из показаний Пестеля, автор «Донесения» старался представить членов общества «злодеями» и оправдать в глазах общественности тяжелые приговоры, в том числе и смертную казнь. И дать возможность царю отделить, наконец, «вожаков» и «зачинщиков» от «заблудших» и «непричастных».

Историки же, декабристам, конечно же, сочувствовавшие, рассуждали о цареубийственных проектах как о показателе «революционной зрелости» заговорщиков.

VIII

На современном этапе развития исторической науки назрела необходимость по-новому, не замыкаясь в схеме Блудова-Пестеля, осмыслить феномен декабризма. Выскажу здесь лишь некоторые свои соображения.

Естественно, движение декабристов – составная часть общественного движения в России начала XIX века. Идеология тайных обществ декабристов не представляла собой ничего уникального. Александровская эпоха – это время повального увлечения идеями конституционализма. Причем первенство в постановке перед русским обществом вопроса о конституции принадлежит отнюдь не декабристам, а императору Александру I, даровавшему в

1815 г. конституцию Польше и планировавшему дать конституцию России. Конституции – более или менее радикальные – писали не только Пестель и Н. М. Муравьев, не только они требовали отменить крепостное право. О необходимости конституции и отмены рабства писали и говорили такие знаменитые сановники, как Н. Н. Новосильцев (который в 1818 г. по поручению Александра I разрабатывал «Уставную грамоту Российской империи», а три года спустя вместе с М. С. Воронцовым и А. С. Меншиковым разработал проект отмены крепостного права), А. А. Аракчеев (который в 1818 г. составил проект крестьянской реформы, предусматривавший постепенную отмену крепостного права), П. Д. Киселев, Н. Г. Репнин и многие другие.

С точки зрения организационных форм деятельности декабристские союзы тоже были вполне традиционны. Согласно сведениям, приведенным в книге В. М. Боковой «Эпоха тайных обществ», в России 1-й трети XIX в. существовало 160 общественных объединений⁷². Причем Россия не была в данном случае исключением: мода на тайные общества захватила всю Европу. Подобные организации создавались с различными целями, но наиболее распространенными были организации с целями политическими. Российские участники таких обществ занимались, в основном, разговорами о необходимости перемен, обсуждали либеральные идеи царя, писали проекты всякого рода конституций.

Тайные общества, в которых состояли те исторические деятели, которых мы сегодня называем декабристами, не были исключением. Они не представляли собой ничего уникального. Деятельность их также сводилась к более или менее либеральным разговорам о необходимости реформ. Но, несмотря на радикализм этих разговоров, никакой реальной опасности для власти они не представляли и практически не были связаны с последующими вооруженными выступлениями.

Ведь далеко не все участники Союза спасения, Союза благоденствия, Северного и Южного обществ участвовали в вооруженных восстаниях 1825–1826 гг. И далеко не все участники этих восстаний состояли в обществах. Очевидно, что, причисляя то или иное общество к декабристским, мы опираемся, прежде всего, на силу традиции. Традиции, заложенной на следствии П. И. Пестелем. Пестель состоял в этих четырех тайных обществах, был прекрасно осведомлен об их деятельности и именно об этой деятель-

ности поведал следствию. Если бы он состоял, например, в Ордене русских рыцарей, то очевидно, что история декабризма традиционно отсчитывалась бы именно с этой организации.

Однако в России начала XIX века общественная жизнь строилась отнюдь не вокруг общественных объединений. Она строилась вокруг армии: большая часть молодых дворян были офицерами, армия была единственным для дворянина способом сделать быструю карьеру. Офицеры, тем более те, кто прошел Отечественную войну и заграничные походы, были наиболее социально активным слоем населения. Поэтому неслучайно вся конкретная работа по организации русской революции шла не в тайных обществах, а именно в армии. Документы свидетельствуют: армейский заговор начала века был большой и разветвленный, и у заговорщиков были в целом неплохие шансы взять власть в России⁷³.

Причем в этом заговоре участвовали как декабристы (Пестель, Трубецкой, Юшневский, Волконский), так и люди, в тайных обществах не состоявшие. Заговор этот был сконцентрирован вокруг влиятельных армейских генералов, командовавших значительными войсковыми соединениями. Среди таких лиц следует назвать главнокомандующего 2-й армией генерала Витгенштейна, его начальника штаба генерала Киселёва и командира 4-го пехотного корпуса генерала Алексея Щербатова. И именно следствием этого заговора стали две неудачные попытки произвести революцию в России.

Схема же, предложенная Пестелем и дополненная Блудовым, оказалась удобной. Удобной, прежде всего, для императора Николая I, которому вовсе не нужно было показывать всему миру, что российская армия коррумпирована, плохо управляема, заражена революционным духом. И что о заговоре знали и заговорщикам сочувствовали высшие армейские начальники. Гораздо удобнее было представить декабристов как юнцов, начитавшихся западных либеральных книг и не имеющих поддержки в армии.

Можно понять и Пестеля. Полковник, скорее всего, предвидел: если следствие начнет распутывать армейский заговор, выяснять, кто и как на самом деле готовил русскую революцию, то круг привлеченных к следствию и – в итоге – осужденных окажется гораздо большим. Вырастет и число тяжелых приговоров: всё же, согласно его собственным замечаниям на следствии, «подлинно большая разница между понятием о необходимости поступка и ре-

шимостью оный совершить», «от намерения до исполнения весьма далеко», «слово и дело не одно и то же»⁷⁴.

Из всего, сказанного выше, можно сделать следующий вывод: история общественного движения Александровской эпохи нуждается в очень серьезном пересмотре. Причем пересмотре не с точки зрения оценки тех или иных действий тех или иных исторических персонажей, а с точки зрения сбора и осмысления новых фактов. При этом нужно учитывать, что та картина деятельности декабристских тайных обществ, которая известна с 1826 г. и к которой мы привыкли, это не более, чем гипотеза, причем одна из наименее вероятных, наименее подтвержденных источниками.

Примечания

¹ *Пытин А. Н.* Общественное движение в России при Александре I. СПб., 2001. С. 405–406.

² Там же. С. 489.

³ *Нечкина М. В.* Движение декабристов. Т. 2. М., 1955. С. 18.

⁴ См., напр., *Бокова В. М.* Эпоха тайных обществ. М., 2003.

⁵ См., напр., *Киянская О. И.* Павел Пестель: офицер, разведчик, заговорщик. М., 2002.

⁶ Восстание декабристов. Документы и материалы (Далее – ВД). Т. 1–20. М. (Л.; М.), 1925–2001. Не имеют отношения к следствию над декабристами лишь два тома этой многотомной серии: в 7-м томе (М., 1958) академически издана «Русская Правда» П. И. Пестеля, 8-й том (М., 1925) представляет собой персональный справочник членов тайных обществ.

⁷ В переработанном виде эта статья вошла в книгу: *Гернет М. Н.* История царской тюрьмы. Т. 2. М., 1961.

⁸ *Нечкина М. В.* Следственное дело А. С. Грибоедова. М., 1982.

⁹ *Федоров В. А.* «Своей судьбой гордимся мы...». Следствие и суд над декабристами. М., 1988.

¹⁰ Там же. С. 2.

¹¹ *Нечкина М. В.* Движение декабристов. М., 1955. Т. 2. С. 391–399.

¹² *Потапова Н. Д.* Что есть истина? // Исторические записки. М., 2000. № 3 (121). С. 322–323.

¹³ *Готовцева А. Г.* Официальная пресса о декабристах: этапы формирования правительственной версии // Вісник Чернігівського державного педагогічного університету. Чернігів, 2006. Вип. 33.

¹⁴ Алфавит членам бывших злоумышленных тайных обществ и лицам, прикосновенным к делу... // Декабристы. Биографический справочник. М., 1988. С. 312.

- ¹⁵ Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.; Л., 1926. С. 145.
- ¹⁶ Русский вестник. 1893. № 4. С. 14.
- ¹⁷ *Готовцева А. Г.* Указ. соч. С. 77.
- ¹⁸ ВД. М.; Л., 1925. Т. 1. С. 393.
- ¹⁹ Там же. С. 223.
- ²⁰ Там же. С. 479.
- ²¹ Там же. С. 427.
- ²² Там же. С. 151.
- ²³ Там же. С. 155.
- ²⁴ Там же. С. 23, 21.
- ²⁵ Там же. С. 26.
- ²⁶ Там же. С. 27.
- ²⁷ *Готовцева А. Г.* Указ. соч. С. 78.
- ²⁸ Имелся в виду генерал-майор Сергей Волконский, командовавший в начале 1826 года 19-й пехотной дивизией – *О. К.*
- ²⁹ Междуцарствие 1825 года... С. 174.
- ³⁰ См. об этом подробнее: *Киянская О. И.* Указ. соч.
- ³¹ ВД. М.; Л., 1927. Т. 4. С. 48–58.
- ³² Междуцарствие 1825 года... С. 33.
- ³³ *Якушкин Е. И.* Замечания на «Записки» («Моп Journal») А. М. Муравьева // Мемуары декабристов. Северное общество. М., 1981. С. 143.
- ³⁴ ВД. Т. 4. С. 103, 112.
- ³⁵ Там же. С. 126.
- ³⁶ *Штрайх С. Я.* Декабрист П. И. Пестель. Новые материалы // Былое. 1922. № 20. С. 106; ВД. Т. 4. С. 419.
- ³⁷ ВД. Т. 4. С. 79.
- ³⁸ Там же. С. 80.
- ³⁹ «С польским обществом, коего Директория была в Дрездене, в сношении были мы чрез Бестужева-Рюмина и Сергея Муравьева... В 1825 году я сам был в сношении с князем Яблоновским и Гродецким, коих видел в Киеве (подчеркнуто мною – *О. К.*)». (ВД. Т. 4. С. 79.)
- ⁴⁰ «Сказывал мне Бестужев-Рюмин, что он слышал о существовании тайного общества под названием Соединенные Славяне». (ВД. Т. 4. С. 82.)
- ⁴¹ ВД. Т. 4. С. 81.
- ⁴² Там же. С. 79, 81.
- ⁴³ Там же. С. 81–82.
- ⁴⁴ См.: *Заозерский А. И.* Вторая оправдательная записка Н. И. Тургенева // Памяти декабристов: Сборник материалов. Л., 1926. Т. II. С. 117.
- ⁴⁵ *Розен А. Е.* Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 155.
- ⁴⁶ ВД. М.; Л., 1927. Т. 4. С. 239.
- ⁴⁷ Там же. С. 255–256.

- ⁴⁸ ВД. М., 1953. Т. 10. С. 102–103.
- ⁴⁹ Там же. С. 185.
- ⁵⁰ ВД. М., 1950. Т. 9. С. 37.
- ⁵¹ ВД. Т. 10. С. 47.
- ⁵² ВД. Т. 9. С. 37.
- ⁵³ Там же. С. 42–43.
- ⁵⁴ Там же. С. 74.
- ⁵⁵ ВД. Т. 4. С. 92.
- ⁵⁶ Там же. С. 100–101.
- ⁵⁷ Там же. С. 290–291.
- ⁵⁸ Там же. Т. 20. М., 2001. С. 30.
- ⁵⁹ Там же. С. 130.
- ⁶⁰ Там же. С. 421–422.
- ⁶¹ Там же. С. 247.
- ⁶² ВД. Т. 1. С. 312.
- ⁶³ *Нечкина М. В.* Движение декабристов. Т. 1. М., 1955. С. 270–302.
- ⁶⁴ *Готовцева А. Г.* Указ. соч. С. 79.
- ⁶⁵ Его императорскому величеству высочайше учрежденной Комиссии для изыскания о злоумышленных обществах всеподданнейший доклад // ВД. Т. 17. М., 1980.
- ⁶⁶ *Гессен С.* Декабристы перед судом истории. Л.; М., 1926. С. 12, 15.
- ⁶⁷ *Федоров В. А.* Предисловие // ВД. Т. 17. С. 8.
- ⁶⁸ *Гернет М. Н.* История царской тюрьмы. М., 1951. С. 133.
- ⁶⁹ ВД. Т. 17. С. 35.
- ⁷⁰ Там же. С. 30.
- ⁷¹ Там же. С. 73.
- ⁷² *Бокова В. М.* Эпоха тайных обществ. М., 2003. С. 624–628.
- ⁷³ См. об этом: *Киянская О. И.* Южное общество декабристов. М., 2005.
- ⁷⁴ ВД. Т. 4. С. 103, 112.

ГЛАВА 2

Из истории несостоявшейся революции

Часть I

I

В 1821 году, одновременно с образованием Южного общества декабристов, была создана Директория этого общества – его руководящий орган. Первоначально в ее состав вошли два человека: ротмистр Павел Иванович Пестель, адъютант главнокомандующего 2-й армией генерала П. Х. Витгенштейна, и коллежский советник Алексей Петрович Юшневский, генерал-интендант 2-й армии¹.

Пять лет спустя император Николай I по-разному оценил степень вины южных директоров: Пестель был казнен, Юшневского оставили в живых и приговорил и к вечной каторге. По-разному оценивали их деятельность современники: Пестель – герой множества мемуаров как участника заговора, так и весьма далеких от него людей, Юшневскому посвящен едва ли десяток упоминаний в воспоминаниях товарищей по каторге и сибирских знакомых. Соответственно, и позднейшие историки, описывая движение декабристов, посвящали и посвящают Пестелю статьи и монографии². Юшневский же лишь упоминается на страницах отдельных посвященных декабристам исследований.

О Юшневском существует только одно биографическое исследование – опубликованная в 1930 г. на украинском языке статья В. М. Базилевича «Декабрист А. П. Юшневский. Попытка биографии»³. Исследование это представляет собой свод опубликованных к тому времени данных, а также выдержки из еще не опубликованного тогда его следственного дела.

Следственное дело Юшневского с тех пор опубликовано⁴, а статья Базилевича давно вышла из активного научного оборота. Личность Юшневского интереса у исследователей совсем не вызывает – и тому, конечно, есть свои причины. Во-первых, слишком велика разница между ним и его товарищем по Директории Павлом Пестелем. Пестель – теоретик декабризма, автор «Русской Правды» – программного документа Южного общества; с его именем связаны практически все основные вехи истории заговора. Естественно, что практически не замеченный современниками Юшневский таким «послужным списком» похвастаться не может.

Во-вторых, несмотря на свой высокий пост в армейской иерархии, Юшневский был человеком штатским, ни дня не прослужил в военной службе. И во главе движения, состоящего почти сплошь из военных, он смотрится достаточно странно, неорганично. Исследователи предпочли согласиться с известным показанием Пестеля о том, что Юшневский «всё время своего бытия в Союзе в совершенном находился бездействии, ни единого члена сам не приобрел и ничего для общества никогда не сделал»⁵. Себя Пестель называл на следствии «дейтельнейшим директором» общества, еще раз, тем самым, подчеркивая «бездейтельность» Юшневского⁶.

Так, анализируя основные вехи биографии руководителя Южного общества, С. Н. Чернов пришел к выводу: «Рядом с Пестелем стоял нерешительный и уклончивый Юшневский, готовый и не умеющий уйти из заговора и революции, осторожно и обыкновенно молча, но постоянно, когда умел и мог решиться, противодействующий Пестелю»⁷.

Из подобной трактовки взаимоотношений обоих южных директоров возникает множество вопросов. Зачем Пестелю, яркому и авторитарному лидеру южан, понадобилось терпеть рядом с собой в Директории человека, бесполезного для «общего дела», от которого, кроме того, всё время приходилось ждать противодействия? Да и так ли уж был бесполезен Юшневский? Согласно тексту приговора, Юшневский управлял Южным обществом «вместе с Пестелем с неограниченной властью»⁸. За что, собственно, и был осужден на вечную каторгу.

Тогда выходит, что Пестель, давая показания о бесполезности Юшневского для заговора, сознательно вводил следователей в заблуждение. Но Пестель не был замечен в стремлении выгораживать на допросах своих единомышленников – за исключением только тех из них, которые имели непосредственное отношение к подготовке восстания в армии. Значит, Юшневский имел к этому отношению самое непосредственное. Тогда в чем же, всё-таки, заключалась его реальная роль в заговоре?

Настоящее исследование призвано попытаться дать ответы на эти и подобные вопросы.

II

Собственно, различное отношение современников и потомков к южным директорам было предопределено задолго до того, как

они вошли в тайное общество. По своему рождению они принадлежали к совершенно разным кругам русского дворянского общества. Разным было всё: семьи, в которых они выросли, учебные заведения, в которых они учились, служебные дороги, которые они прошли.

Павел Пестель родился в 1793 году; в 1826 году, незадолго до казни, ему исполнилось 33 года. По рождению он принадлежал к кругу высшей петербургской бюрократии. Пестель был сыном крупного российского сановника с одиозной исторической репутацией, в 1806–1819 г. занимавшего пост генерал-губернатора Сибири Ивана Борисовича Пестеля. Современники называли Пестеля-старшего «сибирским сатрапом», согласно обвиняли в жестокости и взяточничестве, считали, что в годы его правления лихоимство в крае превысило все разумные пределы⁹. И хотя обвинения в казнокрадстве и взяточничестве на сегодняшний день можно считать опровергнутыми, Пестель-старший на самом деле был жестким, даже жестоким администратором, привыкшим любыми средствами добиваться от своих подчиненных исполнения собственных приказов.

Алексей Юшневский был на семь лет старше Пестеля: в 1826 году ему исполнилось 40 лет. Юшневский – выходец из круга провинциального дворянства средней руки. Его отец, Петр Христофорович, поляк по национальности, подобно отцу Пестеля, тоже был чиновником – только гораздо меньшего масштаба.

Согласно сведениям, собранным В. М. Базилевичем, отец декабриста прослужил восемь лет в Петербурге в гвардии, вышел в отставку, поступил на гражданскую службу и сделал карьеру таможенника. Он руководил несколькими таможенями в русской части Польши; последний пост, который занимал Юшневский-старший с 1811 г. до самой своей смерти в 1823 году, – пост начальника Дубоссарского таможенного округа¹⁰.

Конкретными сведениями о его службе историки не располагают. Но судя по тем немалым доходам, которые принесла ему эта служба, воплощением честности таможенник Петр Юшневский не был. В начале 1810-х гг. ему удалось купить два имения на Украине – село Тимашевку (Киевская губерния, 180 крепостных «душ») и деревню Хрустовую (Подольская губерния, 540 «душ»). Многие соседи по имениям были должны ему крупные денежные суммы; естественно, что сам он и его семья жили совершенно безбедно¹¹.

В семьях, в которых выросли будущие соратники по заговору, существовали совершенно разные культурные ценности – в том числе и ценности образовательные.

Отец Юшневского хотел видеть своих детей чиновниками – и поэтому дал им чисто гражданское, гуманитарное образование. Гуманитарное образование получил не только его старший сын, Алексей, но и двое младших сыновей – Семён и Владимир.

Алексей Юшневский учился в Благородном пансионе Московского университета, который закончил в 1800 г. с серебряной медалью. После окончания пансиона он поступил в Московский университет – но курса не окончил. Согласно собственным показаниям Юшневского, «во второй половине 1801 года» он «вышел из оногo» «по воле» его родителей¹². Очевидно, отец считал, что полученного сыном образования для чиновничьей карьеры уже вполне достаточно. Образован Юшневский был действительно очень хорошо, прежде всего, в области гуманитарной. «Обучался я в означенном заведении (Московском университете – О. К.) языкам: российскому, французскому и немецкому, чистой математике, физике, истории, географии и статистике», – писал он¹³. Впоследствии товарищи по заговору будут уважать его за «глубокие познания» в науках, за блестящее владение пером.

В пансионе в нем впервые проснулась потребность читать и учиться – и потребность эта не покидала его всю жизнь. «Для меня... жить – значит читать», «взятый» из университета «преждевременно, старался я довершить неоконченное, занимавшись потом сам изучением предметов», – писал он¹⁴. В студенческие годы Юшневский увлекся музыкой; музыка тоже стала его страстью на всю жизнь. Он хорошо играл на музыкальных инструментах, но больше любил «не затверживать, а читать музыкальные сочинения как книги»¹⁵.

Еще одной страстью молодого Юшневского был театр. И эту страсть разделяли с ним его друзья: знаменитый впоследствии поэт, переводчик Гомера Н. И. Гнедич и известный театральный деятель и мемуарист С. П. Жихарев. В дневнике Жихарева, в записи от 9 апреля 1807 г., читаем: «Вечером сидели у меня Гнедич с Юшневским, говорили, разумеется, большей частью о трагедиях и об актерах». «Гнедич уверяет, что с некоторых пор русский театр видимо совершенствуется... Юшневский, соглашаясь с Гнедичем, что театр наш точно становится лучше, не хотел, однако ж, со-

гласиться с ним в том, чтоб это усовершенствование могло иметь такое сильное влияние на наше общество, чтобы, как он утверждает, люди большого света, приученные иностранным воспитанием смотреть с некоторым равнодушием на отечественные театральные произведения и русских актеров, вдруг стали предпочитать русский театр иностранному»¹⁶.

Вообще, судя по свидетельствам того же Жихарева, молодой Юшневский был человеком гуманным, покладистым, легким в общении – и не стремился первенствовать в своем кругу. За эти черты характера он был любим своими школьными товарищами.

Павел Пестель же чиновником становиться не собирался. С детства ему и трем его младшим братьям: Борису, Владимиру и Александру, были уготованы военные карьеры. Из четырех братьев офицером не стал только Борис – и то потому, что в детстве перенес тяжелую болезнь, окончившуюся ампутацией ноги.

В 1811 году, накануне войны, Павел Пестель окончил Пажеский корпус – самое привилегированное военное учебное заведение тогдашней России.

Пажеский корпус, в отличие от Московского университета, был весьма популярен в кругах высшей петербургской знати. Корпус готовил будущую военную элиту России: его воспитанники с детства совмещали учебу с придворной службой. За успехами юных пажей пристально следил император и члены его семьи. Выпускники корпуса, получавшие лучшее по тем временам образование, были, по мнению корпусного историка Д. М. Левшина, «для правительства желанными сотрудниками, услугами которых оно с удовольствием пользовалось на всех поприщах государственной деятельности»¹⁷.

Очень многие выпускники Пажеского корпуса конца XVIII – начала XIX века добились высоких государственных постов. «По своей подготовке, по своим взглядам, по своим чувствам и по своему характеру» они вполне соответствовали тогдашнему понятию о государственном деятеле – человеке, «преданном престолу, умном, европейски образованном»¹⁸.

Корпус оканчивали не только будущие государственные деятели. «Визитной карточкой» воспитанников корпуса было честолюбие, и очень многим из них впоследствии становилось тесно в узких рамках сословно-бюрократического общества. В 1826 году выяснилось, что из числа «членов бывших злоумышленных тай-

ных обществ и лиц, прикосновенных к делу», внесенных в «Алфавит» А. Д. Боровкова, около сорока человек в разные годы учились в Пажеском корпусе; осуждены же Верховным уголовным судом были пятеро его выпускников, еще семь выпускников были наказаны в административном порядке¹⁹.

Естественно, что Пажеский корпус значительно повлиял и на мировосприятие и биографию самого Павла Пестеля. Вряд ли в юности он увлекался театром; по крайней мере, никаких сведений об этом не сохранилось. Зато в корпусе в нем впервые проснулось увлечение «политическими науками». В 1826 году на допросе он покажет: «О политических науках не имел я ни малейшего понятия до самого того времени, когда стал готовиться ко вступлению в Пажеский корпус, в коем их знание требовалось для поступления в верхний класс. Я им тогда учился у профессора и академика Германа, преподававшего в то время сии науки в Пажеском корпусе»²⁰.

В самом корпусе академик К. Ф. Герман читал курс «дипломатии и политики» – и Пестель был его лучшим учеником²¹. В выпускной ведомости 1811 года знания Пестеля по этому курсу были оценены высшей оценкой – 100 баллов из 100 возможных²².

Видимо, именно в корпусе впервые проявилось и пристрастие Пестеля к специальным военным дисциплинам. Его выпускные баллы по этим предметам говорят сами за себя: «полевая фортификация» – 40 из 40 возможных, «долговременная фортификация» – 85 из 85, «иррегулярная фортификация» – 39 из 45, «атака и оборона крепостей» – 42 из 45, «артиллерия» – 76 из 80, «черчение планов» – 28 из 30, «тактика» – 30 из 40²³. Первым Павел Пестель оказался и по внезапно устроенному императором экзамену «по фрунтовой службе».

Пестеля, как и всех учеников корпуса, хорошо знала «высочайшая фамилия». Именно в корпусе в нем впервые проснулось отмеченное многими позднейшими мемуаристами честолюбие, стремление первенствовать²⁴. Пестель провел в стенах Пажеского корпуса чуть больше года (до этого он учился в Германии), но был выпущен из него первым по успехам – с занесением имени на мраморную доску.

После окончания корпуса Пестель получил чин прапорщика в гвардейском Литовском полку. И вскоре оказалось, что военная служба – это действительно призвание молодого офицера. В качестве командира стрелкового взвода в Бородинской битве, адъютан-

та генерала П. Х. Витгенштейна, командира пехотного Вятского полка – везде он был на своем месте. Безусловно ощущая себя частью российской военной элиты, он много времени отдавал составлению проектов преобразования армии.

Первые годы «взрослой жизни» Пестеля и Юшневского тоже протекали по-разному.

Павел Пестель был выпущен из Пажеского корпуса в декабре 1811 года. Через полгода после выпуска началась Отечественная война, и Литовский полк отправили на «театр военных действий». «Первая глава биографии Пестеля – это блестящие страницы патриотического служения Отечеству, отмеченные множеством наград», – пишет Е. Л. Рудницкая²⁵. И с этим определением трудно не согласиться.

Вчерашний выпускник Пажеского корпуса получил боевое крещение 26 августа 1812 года, в Бородинской битве, где Литовский полк прикрывал Семёновские флеши. В этой битве Пестель был тяжело ранен: получил пулю в левую ногу «с раздроблением костей и повреждением сухих жил»²⁶. «За отличную храбрость, показанную в сем (Бородинском – О. К.) сражении», Пестель получил свою первую награду – золотую шпагу.

Весной 1813 года Пестель, до конца так и не излечившись от раны и получив чин подпоручика, догоняет действующую армию за границей. Вскоре он становится адъютантом генерала от кавалерии графа П. Х. Витгенштейна – давнего светского приятеля Пестеля-старшего, главнокомандующего всеми войсками антинаполеоновской коалиции.

Будучи адъютантом Витгенштейна, Пестель неоднократно исполнял конфиденциальные поручения своего шефа. В июне 1813 г. он участвовал – в качестве секретного курьера – в переговорах между российским и австрийским императорами, в результате которых Австрия обязалась присоединиться к антинаполеоновской коалиции; через два месяца после этого он стал поручиком²⁷.

В начале октября того же года, в дни, предшествовавшие знаменитой «битве народов» под Лейпцигом, Пестель занимался, в частности, тем, что доставлял русским войскам «верные сведения о движении неприятеля»²⁸. В феврале 1814 года, незадолго до окончания войны, он исполнял «поручения» Витгенштейна в занятом французами баварском городе Бар-сюр-Об²⁹. В августе того же года из Литовского полка его перевели в Кавалергардский – са-

мый привилегированный полк русской гвардии. Войну Пестель закончил кавалером пяти боевых орденов: двух русских и трех иностранных.

Алексей Юшневский в Отечественной войне не участвовал, хотя службу начал на десять лет раньше, чем Пестель. В ноябре 1801 г. он определился, «для познания дел», «в канцелярию Подольского гражданского губернатора, где, по пограничным сношениям сей губернии, занимаем был иностранною перепискою, зная французский, немецкий и польский языки»³⁰. Потом, в январе 1805 г., его переводят на службу в Коллегию иностранных дел и дают первый «классный» чин – чин актуариуса³¹. В задачу актуариуса, чиновника самого низшего, XIV класса, входило составление и регистрация «актов» – казенных бумаг и всякого рода переписки. С 1805 по 1808 г. он служит в Петербурге.

В 1808 г. Юшневского командируют на юг, в Молдавию и Валахию. На Дунае тоже шла война: княжества Молдавия и Валахия принадлежали Турции, российские войска заняли их. Юшневский причисляется в штат председательствовавшего в диванах (органах самоуправления княжеств) Молдавии и Валахии российского сенатора, тайного советника С. С. Кушникова. В 1812 г., когда война с турками закончилась, был подписан Бухарестский мирный договор и русские войска ушли из Молдавии и Валахии, его переводят в штат бессарабского гражданского губернатора, генерал-майора И. М. Гартинга.

В этот начальный период его службы выяснилось, что Юшневский – честный, ответственный и очень толковый чиновник. «Служение же свое, при отличных способностях и похвальном поведении, отправлял всегда и при всех начальниках с особенным усердием», «примерным усердием к службе, ревностным и скорым исполнением всех возлагаемых на него поручений, похвальным поведением и вообще особенной по службе деятельностью и благородными качествами обращал всегда внимание к себе начальства» – так характеризовали Юшневского его многочисленные начальники. Они все как один отдавали «должную справедливость знаниям, способностям и бескорыстию» молодого чиновника³².

В 1814 г., когда «по семейственным обстоятельствам»³³ Юшневский выходит в отставку, он уже «особа VII класса», надворный советник. Кроме того, он – кавалер двух орденов³⁴.